

К. Тимирязев

**Чарльз Дарвин и его
учение**

Два общедоступных очерка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 57
ББК 28
К11

К11 **К. Тимирязев**
Чарльз Дарвин и его учение: Два общедоступных очерка / К. Тимирязев – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 232 с.

ISBN 978-5-458-59242-0

ISBN 978-5-458-59242-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вѣковые своды Вестминстерскаго аббатства приняли смертные останки неутомимаго труженика и геніальнаго мыслителя, цѣлую четверть вѣка наполнявшаго ученый міръ своею славой. Гуманное — *de mortuis aut bene aut nihil* — напоминаетъ, что надъ закрывшейся могилой должно раздаваться лишь слово похвалы и сожалѣнія, но надъ этой могилой подобное напоминаніе звучало бы только оскорбленіемъ. Въ исторіи человѣчества найдется не много великихъ именъ, не нуждающихся въ этомъ великодушномъ забвеніи ихъ слабостей и недостатковъ во имя ихъ высокихъ заслугъ. Не много найдется великихъ людей, которые завѣщали бы потомству такой безупречно чистый и свѣтлый нравственный образъ, на который даже клевета враговъ не могла бы набросить тѣни. Такимъ человѣкомъ былъ Чарльзъ Дарвинъ.

Едва успѣла разнестись вѣсть о его кончинѣ, какъ со всѣхъ сторонъ, и люди его коротко знавшіе, и люди видѣвшіе его всего нѣсколько часовъ, и люди его никогда не видавшіе, и тѣ, кто ему безусловно сочувствовали, и тѣ, кто не раздѣляли его образа мыслей, какъ будто сговорившись, успѣли высказать одну и ту же мысль—что надъ геніальностью ученаго въ немъ еще господствовали нравственные достоинства человѣка—что качествамъ человѣка должно приписать успѣхъ ученаго. Выслушаемъ сначала отзывъ противника, знакомаго съ Дарвиномъ только по его трудамъ. Катрфажъ, въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Парижской Академіи 1-го мая настоящаго года, нѣсколько разъ возвращается къ этой мысли. „Не рѣдко онъ простиралъ ледноокровіе своихъ сужденій до того, что въ своихъ собственныхъ трудахъ отыскивалъ доводы и факты въ поль-

зу своихъ противниковъ. Тогда, съ какою-то рыцарскою честностью, онъ сѣвшилъ первый на нихъ указать.“ „Эта, никогда неизмѣнявшая ему, высокая добросовѣстность сообщала нѣкоторымъ страницамъ его труда какую-то чарующую прелесть.“ „Каждый разъ, когда вы откладываете въ сторону его книгу вы чувствуете, что въ васъ невольно возрастаетъ глубокое уваженіе къ ученому, горячая симпатія къ человѣку.“ *).

Альфонсъ де-Кандоль, который видѣлъ его два раза, въ 1839 и потомъ въ 1880 году, пишетъ, что во всемъ его обращеніи обнаруживалась „извѣстная печать чистосердечія, бывшая по всеобщему признанію одной изъ причинъ успѣха Дарвина.“ **).

А вотъ что говорить о немъ одинъ изъ близкихъ ему людей и его сподвижниковъ—Гукслей, въ нѣсколькихъ вылившихся отъ души строкахъ, вызванныхъ вѣстью о его кончинѣ ***). „Замѣчательна была проникаемость его ума, громадны его знанія, изумительно упорное трудолюбіе, не отступавшее передъ физическими страданіями, которыя превратили бы девять человѣкъ изъ десяти въ безпомощныхъ калѣкъ безъ цѣли и смысла въ жизни; но не эти качества, какъ они не были велики, поражали тѣхъ, кто приближался къ нему, вселяя чувство невольнаго поклоненія. То была напряженная, почти страстная честность, подобно какому-то внутреннему огню, освѣщавшая каждую его мысль, каждое его дѣйствіе.“„Нельзя было говорить съ Дарвиномъ, не вспоминая Сократа.“

Это сравненіе невольно напрашивается, когда говоришь о Дарвинѣ. Девятнадцатый вѣкъ нерѣдко упрекаютъ въ упадѣ нравственнаго чувства, въ уtratѣ идеаловъ—и вотъ какъ бы въ отвѣтъ на этотъ незаслуженный упрекъ, на разстояніи немногихъ дней, на противоположныхъ концахъ Европы сходятъ въ могилу два представителя двухъ крайнихъ полюсовъ человѣческой дѣятельности—человѣкъ дѣла

*) Comptes Rendus 1 Mai 1882.

**) Archives des Sciences Physiques et Naturelles 15 Mai 1882.

***) Nature. April 27 1882.

и человѣкъ мысли—герой и мудрецъ—Гарибальди и Дарвинъ. Эти два античные, въ своей величавой простотѣ, образа—столь различные по своей сферѣ дѣятельности, столь сходные по ея внутренней смыслу:—оба борцы, служившіе одной идеѣ—идеѣ освобожденія человѣчества отъ связывающихъ его путъ—оба своимъ примѣромъ преподавшіе высокій урокъ, что только въ нравственномъ величіи, въ безкорыстномъ служеніи идеѣ лежитъ залогъ конечнаго успѣха.

Но точно ли полный успѣхъ увѣнчалъ полувѣковые труды гениальнаго ученаго? Выслушаемъ снова свидѣтельство обѣихъ сторонъ. „Попытка Дарвина“, говоритъ Катрфажъ въ уже упомянутой нами рѣчи, произнесенной передъ той самой Парижской Академіей, которая еще не такъ давно отказывалась принять Дарвина въ свою среду, „попытка Дарвина заключалась въ томъ, чтобы объяснить дѣйствіемъ однихъ вторичныхъ причинъ то чудесное цѣлое, которое изучаютъ ботаники и зоологи; онъ захотѣлъ намъ объяснить его происхожденіе и развитіе такимъ же образомъ, какимъ астрономы и геологи объясняютъ намъ, какъ возникла наша планета и какъ произошло то, что мы теперь на ней видимъ.“

„Въ этой грандіозной попыткѣ великаго ума нѣтъ ничего незаконнаго и нельзя не согласиться, что въ идеяхъ Дарвина должно заключаться что-нибудь глубокое и въ то же время заманчивое, если онѣ могли увлечь не только толпу, которая вѣритъ на-слово и не рѣдко только подъ влияніемъ страстей, но главнымъ образомъ такихъ людей, какъ Гукеръ, Гукслей, Фогтъ, Луббокъ, Брандтъ, Филиппи, Геккель, Лайель и многихъ другихъ. Дѣло въ томъ, что его основное положеніе неуязвимо. Я полагаю, въ настоящее время никто не станетъ и пытаться отрицать все, что есть безусловно вѣрнаго въ мысляхъ, высказанныхъ англійскимъ ученымъ о борьбѣ за существованіе и естественномъ отборѣ* *). Не доказываютъ ли эти слова, какъ безконечно далеки мы отъ того еще недавняго времени, когда для этихъ самыхъ идей

*) Правда, вслѣдъ за этими словами, французскій ученый пытается отстоять вѣстную идею о неподвижности вида, но мы увидимъ ниже, что эта защита не выдерживаетъ критики.

не находилось болѣ лестнаго названія, какъ „физиологическій романъ?“

А вотъ спокойное и полное достоинства сужденіе единомышленника и до нѣкоторой степени предвѣстника Дарвина—Альфонса де-Кандоля *). „Образъ дѣйствія Дарвина по отношенію къ его противникамъ былъ довольно своеобразенъ. Онъ очевидно не любилъ полемики. Вмѣсто того, чтобъ возражать, онъ шелъ своимъ путемъ. Не нападая на религію, онъ ни мало не стѣснялся сталкиваться съ идеями и предразсудками людей набожныхъ, которыхъ онъ зналъ и уважалъ. Не было ли это только результатомъ убѣжденія, довольно распространеннаго между людьми науки—что истина царитъ надъ всѣмъ и что ее должно провозглашать, хотя бы въ ущербъ самому себѣ? Не думалъ ли онъ, что если его ученіе не противорѣчитъ основамъ религіозныхъ убѣжденій, то уже дѣло теологовъ уладиться съ фактами? Почему бы не примириться имъ съ теоріей развитія органическаго міра—какъ примирились они послѣ Галлілея съ вращеніемъ земли, послѣ Лапласа—съ послѣдовательнымъ образованіемъ небесныхъ тѣлъ. Эти научныя идеи распространены во всемъ свѣтѣ, даже въ Китаѣ. Онѣ не пошатнули ни христіанства, ни магометанства, ни буддизма. Послѣдствія показали, что Дарвинъ былъ правъ, предпочитая молчать и рассчитывая на дѣйствіе времени. Его два тома „О происхожденіи человѣка“ появились въ 1871 году. Крики негодованія, раздававшіеся вокругъ него, еще удвоились, но вскорѣ нѣсколько людей, свѣтскихъ и духовныхъ, искренно преданныхъ религіознымъ идеямъ, выступили его защитниками, а черезъ одиннадцать лѣтъ, по случаю кончины знаменитаго натуралиста, въ соборѣ Св. Павла и другихъ Лондонскихъ церквахъ говорились проповѣди, въ которыхъ доказывалось, что дарвинизмъ не противорѣчитъ религіи.“

*) Darwin &—Archives des Sc. Ph. et Nat. 15 Mai 1882. Альфонсъ де-Кандоль еще ранѣ появленія книги Дарвина высказывалъ сомнѣнія относительно неизмѣнности видовъ и одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ теорію Дарвина. Когда онъ былъ избранъ во Французскую Академію, де-Кандоль писалъ Катрфажу: „Академія должна была избрать не меня, а Дарвина.“

Вотъ наконецъ горячій отзывъ друга и вѣрнаго союзника въ борьбѣ *): „Никто лучше Дарвина не умѣлъ бороться, никто не былъ счастливѣе его въ борьбѣ. Онъ нашелъ великую истину, попираемую подъ ногами, оскверненную ханжами, всѣми осмѣянную; благодаря, главнымъ образомъ, собственнымъ усилямъ, онъ дожилъ до того, что эта истина несокрушимо водружена въ наукѣ, что она вошла въ обычный обиходъ человѣческой мысли, что ее ненавидятъ и боятся ея только тѣ, кто и хотѣлъ бы ее опозорить—да не смѣютъ. Чего еще можетъ желать человѣкъ?“

Предлагаемые два очерка появились въ печати въ различное время. Одинъ изъ нихъ представляетъ рядъ статей, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1864 г., въ то время, когда наше читающее общество особенно живо интересовалось этимъ ученіемъ, и позднѣе изданныхъ отдѣльной брошюрой. Въ этомъ очеркѣ теоріи Дарвина я только старался облегчить для читателя не спеціалиста трудъ пониманія этого геніальнаго произведенія, оставаясь въ то же время возможно ближе къ подлиннику. Изложеніе Дарвина, какъ извѣстно, отличается своеобразностью. Его труды нельзя просто читать, ихъ нужно изучать; за подавляющей массой фактовъ, читатель нерѣдко можетъ упустить нить его строгой аргументаціи, потому что аргументація эта состоитъ не изъ обнаженныхъ логическихъ доводовъ, а изъ систематически сдѣланныхъ фактовъ. „Масса фактовъ можетъ утомить“, говоритъ А. Де Кандоль въ своей оцѣнкѣ труда Дарвина, „читателю предоставляется слѣдить, выбирать, выводить заключеніе. Пріемъ не дидактическій, а чисто научный“. Я именно старался сообщить изложенію по возможности дидактическій характеръ, обнаруживъ, такъ сказать, внутренній остовъ ученія, при этомъ я конечно имѣлъ въ виду того читателя, который имѣетъ досугъ только читать, а не того, который можетъ изучать—этотъ послѣдній конечно предпочтетъ обратиться къ подлиннику. Просматривая теперь, по прошествіи осьмнадцати лѣтъ, этотъ очеркъ, я могъ только его попол-

*) Huxley—Chares Darwin—Nature, April 27 1882.

нить примѣрами изъ позднѣйшихъ изслѣдованій самого Дарвина и другихъ ученыхъ—ничего не пришлось выкинуть или измѣнить—не служить ли это доказательствомъ прочности этого ученія. Съ другой стороны, почти ребяческое упрямство послѣднихъ противниковъ, продолжающихъ повторять тѣ же не выдерживающіе критики возраженія, доказываетъ пользу еще и еще разъ повторять тѣ могучіе доводы, которыми Дарвинъ на вѣки сокрушилъ ихъ оплотъ.

Въ другомъ очеркѣ, представляющемъ публичную лекцію, я старался въ возможно сжатой формѣ и самыхъ крупныхъ чертахъ указать основную идею переворота, сдѣланнаго Дарвиномъ въ современномъ научномъ міровоззрѣніи и потому онъ удобно можетъ служить введеніемъ къ болѣе обстоятельному изложенію теоріи. Это мнѣ казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что и до настоящаго времени не достаточно строго различаютъ ученіе о развитіи органическаго міра (*Descendenzlehre*, *Theorie de l'évolution*), основанія котораго высказывались и ранѣе Дарвина, отъ ученія о развитіи органическаго міра путемъ естественнаго отбора—ученія, которое объясняетъ намъ основной фактъ гармоніи и цѣлесообразности органическаго міра и въ которомъ Дарвинъ не имѣлъ предшественниковъ. Въ этомъ же очеркѣ я попытался намѣтить нравственный обликъ самого творца этого ученія, какъ ученаго и человѣка. Все, что появилось въ печати за эти послѣдніе дни, воспоминанія людей стоявшихъ къ нему близко, нѣкоторыя его письма и пр. вполне подтверждають общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ тѣхъ немногихъ часовъ, которые я имѣлъ счастье провести подъ гостепріимномъ кровомъ этого великаго человѣка. Гукслей, мнѣнія котораго мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось приводить, употребляетъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи почти буквально то выраженіе, которое поставлено мною въ заголовкѣ моего очерка: „Чѣмъ болѣе я его зналъ“, говоритъ онъ, „тѣмъ болѣе онъ мнѣ представляется воплощеннымъ идеаломъ ученаго“.

К. Тимирязевъ.

30-го мая 1882 г.

Д А Р В И Н Ъ

КАКЪ

ТИПЪ УЧЕНАГО.

Дарвинъ какъ типъ ученаго *).

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, 1-го іюля 1858 года, въ засѣданіи Лондонскаго Линнеевскаго общества была получена, чрезъ посредство двухъ знаменитыхъ ученыхъ, Лайеля и Гукера небольшая записка, занимающая въ трудахъ общества всего двѣ печатныя страницы. Авторомъ этой записки былъ ученый, уже не молодой, ему было 50 лѣтъ, и уже двадцать лѣтъ почти не покидавшій своей деревни. И на этотъ разъ онъ не считалъ нужнымъ явиться въ засѣданіе, да и самую записку свою рѣшился представить только по настоянію, почти по принужденію, своихъ друзей. Записка эта касалась сухаго, техническаго вопроса „о происхожденіи видовъ“, а ученаго звали—Чарльзъ Робертъ Дарвинъ.

Прошло два года и мысли, изложенныя на этихъ двухъ страничкахъ, облетѣли весь ученый міръ, имя Дарвина, до тѣхъ поръ уважаемое только немногими специалистами, зоологами и геологами, было въ устахъ каждаго натуралиста, хотя и произносилось съ весьма различными чувствами.

Прошло двадцать лѣтъ, и теперь едва ли найдется уголокъ образованнаго міра, гдѣ бы не слышали этого имени; мало того, едва ли найдется образованный или даже полуобразованный человѣкъ, который, сознательно или безсознательно, самостоятельно или по наслышкѣ, не составилъ себѣ о немъ мнѣнія, все равно лестнаго или нелестнаго, сочувственнаго или враждебнаго. Это имя и связанное съ нимъ ученіе пе-

*) Публичная лекція, читанная въ Московскомъ Университетѣ 2-го апрѣля 1878.

рестало быть достояніемъ исключительно ученыхъ, оно сдѣлалось достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей. Серьезный ученый постоянно имѣетъ въ виду это ученіе, но и свѣтскій человѣкъ не прочь вставить въ свой разговоръ „борьбу за существованіе“ или какое другое выраженіе, заимствованное изъ современнаго ученія. Въ исторіи наукъ бывали примѣры, что за извѣстной теоріей, за извѣстной гипотезой сохранялось имя ея автора, но чтобы имя человѣка сдѣлалось нарицательнымъ названіемъ для цѣлаго направленія, цѣлаго отдѣла знанія—подобнаго примѣра еще ни бывало, а между тѣмъ во многихъ библиографическихъ указателяхъ, рядомъ съ заголовками: зоологія, ботаника, геологія, вы встрѣтите новый—*Дарвинизмъ*. Громадная литература этой новой отрасли знанія уже и теперь едва ли подѣлитъ силу одному человѣку; наконецъ уже возникаютъ спеціальныя повременныя изданія, имѣющія исключительно цѣлю развитіе и разработку этого ученія.

Это умственное движеніе не ограничилось однимъ естествознаніемъ, оно охватило и другія области знанія; философы, историки, психологи, филологи, моралисты приняли въ немъ живое участіе. Какъ всегда случается при обсужденіи вопросовъ, представляющихъ такой всеохватывающій интересъ, въ голосу холоднаго разума присоединился и голосъ страстей. Возникла борьба, какой не запомнятъ въ лѣтописяхъ научной мысли. Въ ожесточенной схваткѣ сплелись самыя противоположныя убѣжденія, самыя разнородныя побужденія. Трезвый критическій анализъ сталкивался съ фанатическимъ поклоненіемъ; открытая, справедливая дань удивленія передъ талантомъ встрѣчалась съ худо затаенной, мелкой завистью; всеохватывающія обобщенія и напускной скептицизмъ, фактическіе доводы и метафизическія доказательства, безцеремонныя обвиненія въ шарлатанствѣ и такіе же безцеремонныя обвиненія въ свудоуміи, насмѣшки, глумленіе, восторженные возгласы и проклятія—словомъ все, что могутъ вызвать слѣпая злоба враговъ, и медвѣжья услуга друзей, примѣшалось для того, чтобы усложнить исходъ этой умственной борьбы. И среди этого смятенія, этого хаоса мнѣній и толковъ, одна личность сохраняла невозмутимое,